

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150>

Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак (Северный Казахстан)

© 2023 г. Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.

Keywords: archaeology, Bestamak, Middle Ages, ritual activity, military complex, horse equipment

Түйін сөздер: археология, Бестамак, орта ғасырлар, ғұрыптық әрекет, әскери кешен, ат әбзелдері

Ключевые слова: археология, Бестамак, средневековье, ритуальная деятельность, воинский комплекс, конское снаряжение

Andrey Logvin^{1,2}, Bakyt Khassenova^{2*} and Irina Shevnina^{1,2}

¹PhD, Candidate of Historical Sciences, Kostanay Regional University named after A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan;

²Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: logvin1@yandex.ru

^{2*}Corresponding author, PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: alicar@inbox.ru

¹PhD, Candidate of Historical Sciences, Kostanay Regional University named after A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan;

²Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: shevnina_i@mail.ru

Ritual military complex of the 7th–8th centuries from the Bestamak burial ground (Northern Kazakhstan)

In 2002, a collection of weaponry and horse equipment was unearthed at the Bestamak burial ground. In our opinion, the archaeological site should be designated as a ritual military complex. Investigating ancient ceremonial activities presents one of the most challenging tasks in archaeology. However, the consistent composition and circumstances surrounding the discovery of these ceremonial compounds indicate the existence of a specific tradition among the steppe Eurasian population over an extended period. There is a need to study it and identify the causes of its appearance. The ritual complex dates back to the 7th–8th centuries and it symbolizes the archer warrior who owned the uncovered artifacts. Examining such items will enrich our comprehension of the sacred rituals of the early Middle Ages.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Logvin, A., Khassenova, B., Shevnina, I. 2023. Ritual military complex of the 7th–8th centuries from the Bestamak burial ground (Northern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 136–150 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150)

**Андрей Викторович Логвин^{1,2},
Бақыт Мулдашқызы Хасенова^{2*},
Ирина Викторовна Шевнина^{1,2}**

¹PhD, тарих ғылымдарының кандидаты, А. Байтұрсынов ат. Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан;

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

**Андрей Викторович Логвин^{1,2},
Бақыт Мулдашевна Хасенова^{2*},
Ирина Викторовна Шевнина^{1,2}**

¹PhD, кандидат исторических наук, Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова, Костанай, Казахстан;

²Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, Алматы, Казахстан

^{2*}корреспондент-авторы, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана, Қазақстан

¹PhD, т.ғ.к., А.Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай қ., Қазақстан;

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Бестамақ қорымындағы VII–VIII ғғ. ғұрыптық әскери кешен
(Солтүстік Қазақстан)

2012 ж. Бестамақ қорымынан қару-жарақ пен ат әбзелдерінен құралған кешен табылды. Біздің пікірімізше, археологиялық нысанды ғұрыптық әскери кешен ретінде белгілеген жөн. Ежелгі ғұрыптық әрекеттерді зерттеу археологиядағы күрделі міндеттердің қатарына жатады, алайда олардың тұрақты құрамы мен осындай ғұрыптық кешендердің анықталуы Еуразия даласы тұрғындарында ұзақ уақыт бойы тұрақты дәстүрдің болғандығын көрсетеді. Оны зерттеу және пайда болу себептерін анықтау қажеттілігі туындап отыр. Ғұрыптық кешен VII–VIII ғғ. мерзімделіп, табылған заттардың иесі садақшы жауынгерді бейнелейді. Мұндай нысандарды зерттеу ерте орта ғасырлардағы киелі тәжірибелер туралы түсініктерімізді кеңейтуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы 2023–2024, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В. Бестамақ қорымындағы VII–VIII ғғ. ғұрыптық әскери кешен (Солтүстік Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 136–150–66. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150)

^{2*}автор-корреспондент, PhD, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

¹PhD, кандидат исторических наук, Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова, Костанай, Казахстан;

²Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак
(Северный Казахстан)

В 2002 г. на могильнике Бестамак обнаружен комплекс предметов вооружения и конского снаряжения. По нашему мнению, археологический объект необходимо обозначить как ритуальный воинский комплекс. Исследование древней ритуальной деятельности относится к числу сложных задач в археологии, но устойчивый состав и условия обнаружения этих ритуальных комплексов демонстрируют наличие определённой традиции у населения степной Евразии на протяжении длительного времени. Назрела необходимость в её исследовании и выявлении причин появления. Ритуальный комплекс датируется VII–VIII вв. и символизирует воина-лучника, которому принадлежали найденные предметы. Изучение таких объектов позволит расширить наши представления о сакральных практиках раннего средневековья.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В. Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак (Северный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 136–150. DOI: [10.52967/akz2023.1.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.21.136.150)

1 Введение (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

Эпоха средневековья на территории Большого Тургая* (*имеется в виду Тургайский прогиб) представлена различными погребальными и поминальными памятниками (подробнее см.: [Хасенова 2017; Хасенова, Хабдулина 2017]). Оригинальным объектом этого времени является ритуальный комплекс, обнаруженный в 2002 г. на могильнике Бестамак. Исследование духовной культуры прошлого относится к числу сложных задач в археологии. Археологически фиксируется только часть совершаемых практик и невозможно быть уверенным полностью в том, насколько объективно они раскрывают обряд целиком. Тем не менее, как выясняется в результате исследования археологических памятников, важнейшей частью обрядовых действий являются некоторые предметы, частая встречаемость которых в определённых условиях позволяет прийти к выводам об их символической роли в жизни обществ древних эпох.

Могильник Бестамак относится к числу заслуживающих особого внимания археологических объектов Тургая. Он располагается в северной части Тургайской ложбины, у истока р. Убаган, правого притока р. Тобол (рис. 1), в 8 км к северо-западу от пос. Шили (Аулиекольский р-н, Костанайская обл.). Могильник расположен у северо-восточной окраины поселения, имеющего одноименное название. В настоящее время он является грунтовым, но длительность его функционирования – с эпохи энеолита до средневековья позволяет предположить исчезновение надмогильных сооружений под действием времени и антропогенного фактора. Исследования на памятнике проводились Тургайской археологической экспедицией* (*Сначала Кустанайского пединститута, затем, после преобразования учебного заведения, – Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова. В настоящее время вуз называется Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова) под руководством В.Н. Логвина, С.С. Калиевой, А.В. Логвина, И.В. Шевниной на протяжении 11-ти полевых сезонов: в 1991–1993, 1997, 2002–2003, 2005–2008, 2013 годах. Было вскрыто более 9000 кв. м, исследованы 183 объекта, в т. ч. могильные ямы и ритуальные сооружения. Большая часть изученных комплексов датируется эпохой бронзы (II тыс. до н.э.).

2 Материалы и методы исследования (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

2.1 Методика исследования

Методологической основой исследования является историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности. Также использованы сравнительно-исторический и сравнительный методы.

В процессе интерпретации археологических материалов чрезвычайно актуальным становится использование сравнительно-исторического анализа, так как только с его помощью определяется общее и особенное в процессах, происходящих в прошлом и возможно выяснение цельной картины. Метод сравнительного анализа в значительной степени основан на аналогии, в результате установлена датировка комплекса, а

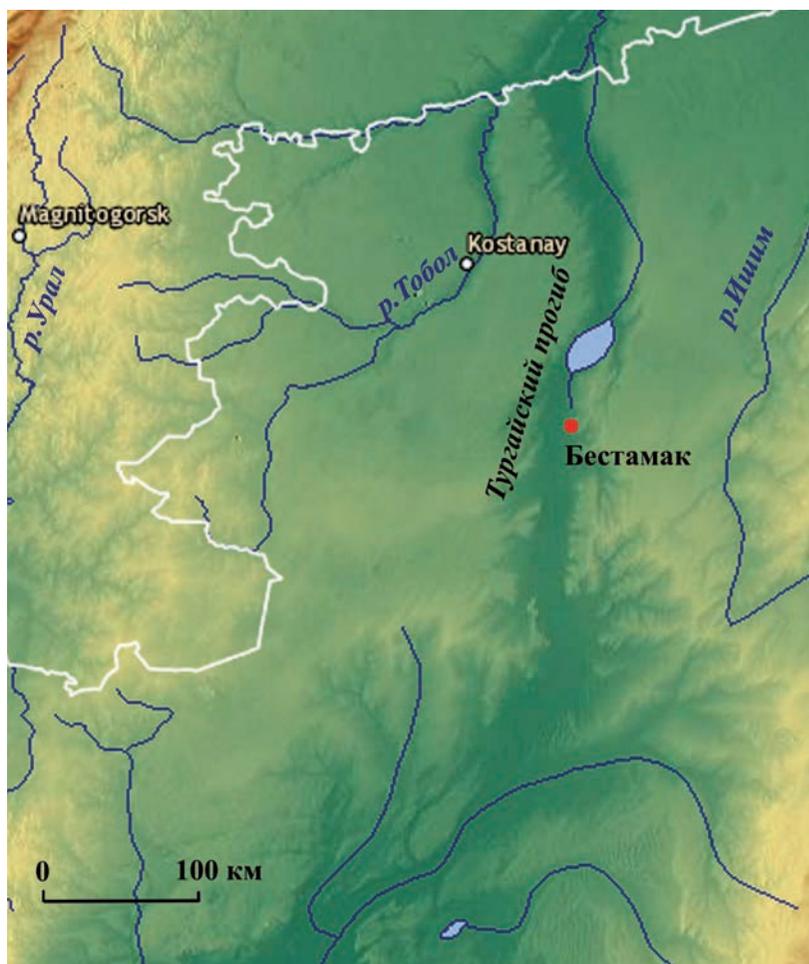

Рис. 1. Расположение могильника Бестамак 1-сур. Бестамақ қорымының орналасқан жері
Fig. 1. Location of the Bestamak burial ground

также выявлены хронологические рамки, в пределах которых у населения казахстанских степей и сопредельных территорий наблюдаются ритуальные действия, результаты которых исследуются с помощью археологии.

2.2 Описание археологического памятника и артефактов

В 2002 г. во время исследования могильника (рук. А.В. Логвин) в квадрате Ш-3, на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности, был обнаружен комплекс, состоящий из различных железных предметов воинского и конского снаряжения эпохи средневековья. Яма не фиксировалась.

Вооружение представлено наконечником стрелы, ножом, колчанным крюком, конское снаряжение – удилами с псалиями двух форм – прямыми и с окончаниями в виде рыбьего хвоста, массивной подпружной пряжкой, стременами двух разновидностей – с пластиной для продевания ремня и восьмёрковидным. Судя по состоянию предметов в момент обнаружения – почти все они слиплись между собой, возможно, из-за того, что первоначально были куда-то вместе положены. Многие предметы оказалось невозможным разъединить, поэтому они были зафиксированы в том положении, в котором были найдены. Артефакты в настоящее время хранятся в фонде археологической лаборатории Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова.

Описание предметов вооружения

Нож (рис. 3, 4). Железный, с треугольным черенком и обломанным на конце клинком. Длина 14,5 см. Клинок отделён от черенка уступами со стороны лезвия и спинки, а также бронзовой пластиной. Клинок согнут в верхней четверти, окончание черенка изогнуто. Длина клинка – 10,4 см,

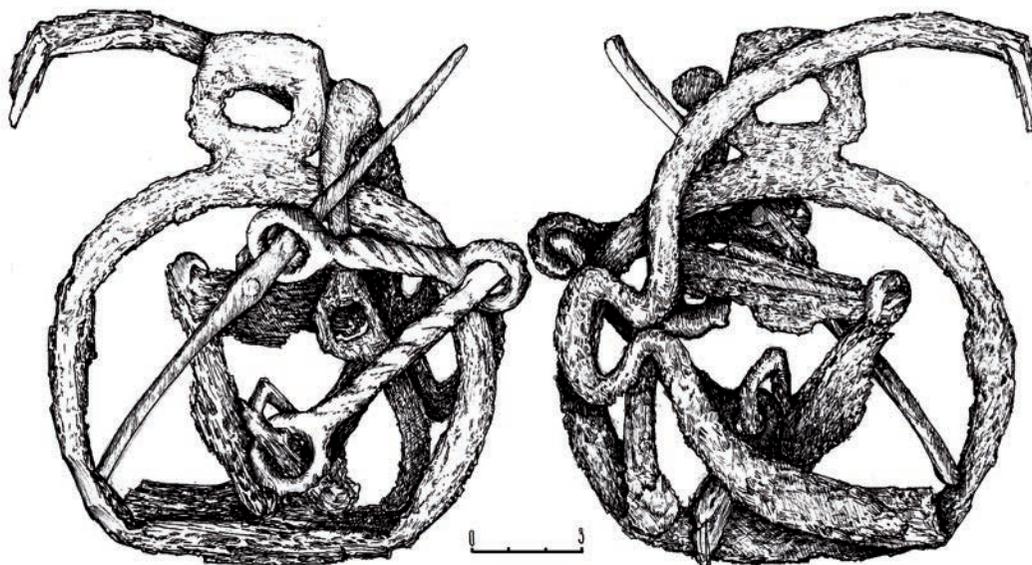

Рис. 2. Бестамак. Предметы конского снаряжения в двух ракурсах. Рисунок выполнен Алиной Колбиной
2-сур. Бестамақ. Ат әбзелдерінің бұйымдары екі қырынан. Суретті салған Алина Колбина
Fig. 2. Bestamak. Items of horse equipment from two angles. Drawn by Alina Kolbina

ширина у основания – 18 мм, ширина в средней части – 10 мм. Сечение клинка треугольное. Длина черенка 4,2 см, ширина у основания 1,1 см. Длина бронзовой пластины 2 см, ширина 0,55 см.

Наконечник стрелы (рис. 3, 2). Железный. Трёхлопастной. Черешковый. Перо имеет удлиненно-треугольную форму, три узкие лопасти и прямые плечики. Окончания пера и черешка обломаны. Общая длина изделия 7,5 см. Длина сохранившейся перьевой части 5 см, длина части черешка 2,2 см.

Колчаный крюк (рис. 3, 1). Сделан из длинной узкой железной пластины. Верхняя часть прямоугольная, с дуговидными выемками по бокам и сверху. Нижняя часть зауженная, с небольшим изгибом. Немного выше середины изделия размещено прямоугольное с закруглёнными углами отверстие. Длина изделия 8 см, толщина пластины 0,5 см.

Описание предметов конского снаряжения (рис. 2).

Удила железные однокольчатые, с перегибом, состоят из двух витых коротких стержней, подвижно соединённых посредством вставленных друг в друга колец (рис. 2). Длина стержней 8 и 9,6 см. Диаметр концевых колец 2 см. К концевым кольцам крепятся псалии с прямоугольными петлями.

Псалии (2 экз.) (рис. 2). Изготовлены из узкой железной пластины, прямоугольной в сечении, расширяющейся посередине. Длина псалиев 15,4 см. Брусковидные окончания псалиев имеют слабо выраженный изгиб. Массивные прямоугольные петли, предназначенные для крепления к удилам, располагаются посередине. Хорошо сохранился один из псалиев.

Кроме вышеописанных имеются ещё одни железные удила с сохранившимся одним псалием (рис. 2). Удила подверглись сильной деформации из-за коррозии. Можно определить, что они были однокольчатыми, стержни соединялись с помощью колец. К удилам крепился S-видный псалий с окончаниями в виде рыбьего хвоста. Длина 12 см. Посередине имеется округлая петля для соединения с удилами (рис. 2).

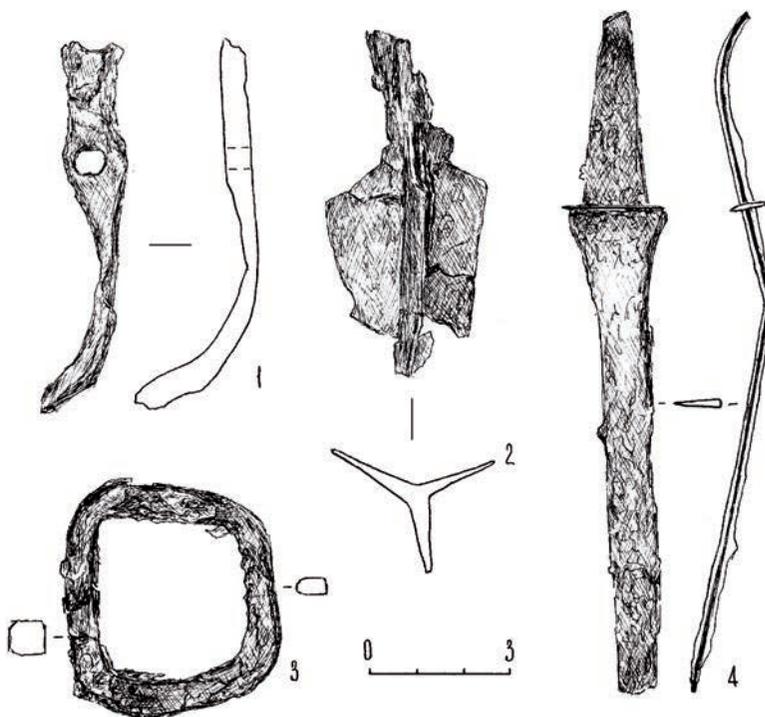

Рис. 3. Бестамак. Предметы воинского и конского снаряжения: 1 – колчаный крюк; 2 – наконечник стрелы; 3 – подпружинная пряжка; 4 – нож. Рисунок выполнен Алиной Колбиной

3-сур. Бестамақ. Әскери және ат әбзелдерінің бұйымдары: 1 – қорамсақты ілмек; 2 – жебе ұшы; 3 – тартпалы айылбас; 4 – пышақ. Суретті салған Алина Колбина

Fig. 3. Bestamak. Items of military and horse equipment: 1 – quivered hook; 2 – arrowhead; 3 – belly buckle; 4 – knife. Drawn by Alina Kolbina

Стремя № 1 (рис. 2). Железное, с трапециевидным пластинчатым ушком, в котором сделано овальное отверстие для путлища. Ушко отделено от дужки слабо выраженной шейкой. Дужка подквадратной формы, округлая в сечении. Подножье уплощено. Размеры стремени 12,2×14 см.

Стремя № 2 (рис. 2). Железное, со слегка приплюснутым петельчатым ушком для путлища, с уплощённым подножьем и подквадратной, округлой в сечении дужкой. Размеры 14×14 см.

Пряжка подквадратной формы. Железная. Массивная. Из квадратного в сечении прута. Размеры: 5×4,5 см (рис. 3, 3).

3 Обсуждение (Хасенова Б.М., Логвин А.В., Шевнина И.В.)

Обнаруженные предметы имеют многочисленные аналогии в памятниках эпохи средневековья евразийских степей. Важным представляется непарность размещённых в составе комплекса стремян. По данным Д.Г. Савинова, пластинчатые и петельчатые стремяна, являясь двумя основными типами в эпоху раннего средневековья, получили параллельное развитие на территории Центральной Азии и Южной Сибири [Савинов 1996: 16].

Петельчатые стремяна отличаются широкой географией распространения. Они являются частой находкой в погребениях кимеков* (*так они должны быть обозначены, согласно мнению востоковедов Б.Е. Кумекова и Ю.А. Зуева [Кумеков 1990: 23; Зуев 1992: 26–38]) Верхнего Прииртышья [Арсланова 1972: табл. I, 18; табл. IV, 16, V, 3; 2013: рис. 3, 14; Трифонов, Ахинжанов 1987: рис. 91, 3–4; Трифонов, Самашев 1987: 94, 17–18; 105, 30, 32–33; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. 2021: рис. 4, 25–26]. Наиболее ранние материалы из этих памятников датируются 2-й пол. VII – VIII в. [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. 2021: 116].

Имеются аналогии в тюркских погребениях Сарыарки, на Алтае, Тянь-Шане [Кукушкин и др. 2019: рис. 69; 70, 4; 71, 1; Кубарев 2007: рис. 37, 1, 5, 8; Худяков, Табалдиев 2009: рис. 14, 4]. Такие стремяна обнаружены в курганах № 12 и 40 мог. Преображенка-3 (Барабинская лесостепь) [Молодин и др. 1981: рис. 2, 18; 5, 6], комплект таких же разных стремян происходит из Долоновского погребения в Приангарье [Николаев и др. 2002: рис. 8, 17], из погребения у с. Алмалык (Жетысу) [Tulegenov et al. 2021: fig. 5, 1–2]. Одни авторы предлагают широкую датировку находок, другие ограничивают время существования VIII–IX вв. [Молодин и др. 1981: 135; Николаев и др. 2002: 88; Tulagenov et al. 2021: 129]. Такая же разновидность стремян встречается в памятниках сросткинской культуры: в мог. Сростки (сер. IX – нач. XI в.), в кургане № 9 мог. Боровиково IV (2-я пол. XI в.) [Савинов 1998: 189, рис. 2, 5; Тишкин и др. 2004: 413, рис. 1, 27].

По мнению А.Н. Кирпичникова, такая форма стремян является древнейшей в евразийском пространстве. Во 2-й пол. II тыс. они были распространены на территории от Сибири до Европы, а наибольшей популярностью пользовались в VII–VIII вв. [Кирпичников 1973: 46]. Спустя 50 лет эта датировка претерпела изменения. По данным Н.Н. Серегина, наиболее ранние образцы такой формы датируются 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. и связаны географически с Алтаем [Серегин 2013: 196]. На сопредельных территориях они распространяются во 2-й пол. VI – 1-й пол. VII в. [Серегин 2013: 197].

Стремяна с пластинчатым ушком встречаются в тюркских погребениях на Алтае [Кубарев 2005: рис. 37, 7, 9, 11]. Г.В. Кубарев датирует их VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131]. Интересно отметить, что А.Н. Кирпичников, обсуждая пластинчатые стремяна, связал их историю с петельчатыми. По его мнению, обе формы стремян появились в VI–VII вв., получили максимальное распространение в VII–IX вв., отчасти в X в. на огромной территории от Алтая до Венгрии и Чехии, а в XI в.

почти повсеместно вышли из употребления [Кирпичников 1973: 49]. По данным Д.Г. Савинова, наиболее ранние образцы таких стремян связаны с восточными районами Азии и датируются V – сер. VI в. [Савинов 1996: 18]. С.Г. Боталов высказывает мнение, что стремяна с пластинчатым ушком возникают на территории Хазарии (Волго-Донье, Северный Кавказ), здесь они встречаются в большом количестве в памятниках VIII–IX вв. [Боталов 2000: 327]. На территории Южного Урала объекты, содержавшие такие стремяна, датируются IX–X вв. [Боталов 2000: 325].

Однокольчатые удила, среди которых встречаются экземпляры с витыми стержнями, получили широкое распространение в VI–VIII вв. [Овчинникова 1990: 94]. Они известны также на Южном Урале [Боталов 2000: рис. 33, 1; 41, 19, 22; 45], их датировка – IX–X вв. [Боталов 2000: 325]. Такие удила сочетаются с **S-видными псалями**, по мнению исследователей, в VII–IX вв. [Гаврилова 1965: рис. 16] или в VII–VIII вв. [Савинов 2005: 221; Кубарев 2005: 140].

Аналогичный бестамакскому **наконечник стрелы** найден в курганах № 97, 145 Зевакинского могильника, датируемых VIII–IX вв., IX–X вв. [Арсланова 1972: 61, табл. III, 5; 2013: 44, рис. 2, 8], в погребении объекта 26 мог. Карашат I [Трифонов, Самашев 1987: рис. 105, 5–10]. Такие же крупные наконечники встречаются в тюркских погребениях на Алтае, Тянь-Шане [Кубарев 2005: рис. 25, 6–8; Худяков, Табалдиев 2009: рис. 58, 10; 61, 4–7]. В классификации Ю.С. Худякова приведены аналогичные экземпляры с территории Алтая, Тывы, Минусинской котловины и Монголии, они датируются VI–X вв. [Худяков 1986: рис. 65].

Таким образом, на основании приведённых аналогий можно сделать вывод о бытовании всех обнаруженных предметов на протяжении длительного времени: с V/VIII по X/XI вв. Большое значение для определения более узкой хронологии имеет факт наличия непарных стремян – восьмёрковидного и с пластинчатым ушком. По мнению А.К. Амброза, обычай объединять в одном комплекте стремяна этих форм появляется у авар и тюрков в VII–VIII вв. [Амброз 1973: 93]. Данный хронологический период в истории древних тюрков обозначается исследователями как катандинский [Гаврилова 1965: 105]. Среди представленных в комплексе из Бестамака вещей, кроме стремян, к этому времени также относятся однокольчатые удила с S-видными псалями [Савинов 2005: 221; Кубарев 2005: 140]. На этом основании исследуемый комплекс может быть отнесен к VII–VIII вв.

Комплекс содержит в себе предметы воинского и конского снаряжения, при этом погребение человека отсутствует, что позволяет предположить в совершенном действии ритуальный характер. Его назначение возможно выяснить, исходя из состава археологического объекта. Важной деталью обряда также являлось размещение комплекса в сакральном пространстве – на территории некрополя.

Неоднозначная трактовка действий, совершаемых участником или участниками ритуала, создаёт основания для различных терминов в обозначении данной разновидности археологических памятников. В публикациях встречаются следующие названия: – «напутственный комплекс/комплект», «клад», «схрон», «тайник» или «приклад». На данном уровне исследования наиболее подходящим обозначением для такого рода объектов, по нашему мнению, является использование термина «ритуальный воинский комплекс».

Отдельные детали воинского и конского снаряжения обнаружены при исследовании тюркских поминальных оград. На святилище Жайсан 1 (Жамбылская обл.) были найдены наконечник стрелы, фрагмент панцирной пластины [Досымбаева 2006: рис. 8, 4, 5], Жайсан 14 – наконечник стрелы [Досымбаева 2006: рис. 9, 6]. На святилище Момбай-сазы (Жамбылская обл.) в основании плиты, расположенной в центре ограды, был найден железный наконечник стрелы [Мотов 2001:

145, рис. 6]. Железные панцирные пластины, наконечники копья, стрел обнаружены при раскопках оград Иссык, Актерек (Жетысу) [Григорьев, Загородний 1995: рис. 2; Самашев и др. 2005: 139, 142]. Среди камней оград № 5 и 6 комплекса Кабантау (Сарыарка) лежали бронзовая поясная пряжка и железная панцирная пластина [Бейсенов и др. 2018: 71–72, рис. 9]. При исследовании святилища Ащекен Сораны (Сарыарка) были также зафиксированы определённые предметы. В заполнении ограды № 5 находился фрагмент бронзового псаля, при расчистке развала камней вокруг сооружения № 10 обнаружен железный наконечник стрелы, в заполнении сооружения № 10а – обломок лезвия железного ножа и фрагмент керамики [Кукушкин и др. 2019: 58, 60, рис. 38; 42; 71, 4]. Частью ритуальной деятельности древних тюрков Алтая являются небольшие каменные или деревянные ящики, которые строили при возведении оград. В них находят предметы воинского и конского снаряжения, ножи, деревянное блюдо, серебряный сосуд, фрагменты керамики, кости животных, слой золы, угли [Серегин, Шелепова 2015: 63].

Интерес представляет также обнаружение воинского «схрона»* (*термин авторов публикации) тюркского времени в каменной расщелине на склоне горы Ак-Кая (Алтай) [Мамадаков и др. 2017: 30]. Комплекс содержал железные предметы вооружения: меч и два стремени [Мамадаков и др. 2017: рис. 2–5]. На вершине насыпи древнетюркского кургана Карагайлы 2 (Сарыарка) были найдены железные удила [Досымбаева, Нұсқабай 2012: 102-б., 34-фото]. В западной части кургана № 29 мог. Уелги (Южное Зауралье) находилась яма с богатым «тайником»* (*термин авторов публикации), содержащим предметы воинского снаряжения – палаш с портупеей, пояс, наконечники стрел от двух колчанов, а также украшения: серьгу, два браслета с бубенчиками, ажурную подвеску, два флаконовидных изделия [Грудочко, Боталов 2013: 126, рис. 18].

Следы такой ритуальной деятельности, где прослеживается символическое замещение определёнными предметами человека, мы также обнаруживаем на многих памятниках эпохи средневековья. Особый интерес для раскрытия символики бестамакского комплекса представляют материалы древнетюркского времени, которые обнаружены в западных пределах территории, занимаемой первыми Тюркскими каганатами. Речь идёт о богатейших вещевых комплексах типа Малой Перещепины, не содержавших никаких костных останков. По мнению А.В. Комара, они представляют собой «напутственные комплексы» [Комар 2006: 18]. У древних тюрков фиксируется разделение места погребения и места тризны [Комар 2006: 14]. Аналогичная традиция была отмечена у знатных гуннов. Тризна маркировалась с помощью предметов, символизирующих человека, воина в первую очередь (поэтому такие комплексы содержат предметы конского и воинского снаряжения) [Комар 2013: 89].

У кимеков также существовала практика символического обозначения человека при совершении погребального обряда. В имитациях погребения присутствуют предметы конского и воинского снаряжения: в погребении объекта б мог. Джартас – в яме на дне находились сабля, колчан, лук, удила, седло целиком или частично, причём, один из наконечников был положен поверх сабли и обращён в сторону её острия, в противоположном направлении, по сравнению с остальными [Трифонов 1987: 116–121, рис. 62, 3]; в погребении 2 объекта 14 мог. Измайловка, которое являлось кенотафом, лежали колчан со стрелами и удила [Трифонов, Ермолаева 1987: рис. 72, 3].

Немаловажную роль в исследовании предметной символики эпохи средневековья играют материалы из храма Елеке сазы (Тарбагатай), возведённого в честь одного из «удельных» каганов Западнотюркского каганата. Здесь были зафиксированы приклады с различными предметами, основной комплекс содержал стремени, подпружные пряжки, наконечники стрел, удила с псалями,

клевец, ножи, тесло, распределители ремней, панцирные пластины, кольца и другие изделия [Самашев 2022: 177–178].

Следует отметить, что элементы воинской культуры, к которым относятся детали воинского и конского снаряжения, обретают высокое символическое значение уже в предшествующее время – в период ранних кочевников.

Особую категорию кладов эпохи ранних кочевников в Жетысу представляют комплексы, сохранившие предметы вооружения и конского снаряжения. Наиболее часто они локализируются «под курганной насыпью у края могильной ямы, на уровне древней поверхности, на площади могильника» [Джумабекова, Базарбаева 2013: 17–20; 27]. По данным Г.С. Джумабековой и Г.А. Базарбаевой, такие клады встречаются на юго-востоке Европы, Северном Кавказе, Алтае, Внутреннем Тянь-Шане, в Восточном Казахстане, Тыве [Джумабекова, Базарбаева 2013: 32].

Характерным элементом ритуальной деятельности в эпоху ранних кочевников на территории Сарыарки является размещение предметов конского снаряжения возле курганов и ритуальных объектов. Так, в околочурганном жертвеннике № 4 кургана 14 мог. Бакыбулак были зафиксированы псалий, удила, застёжки, распределители ремней [Бейсенов 2015: рис. 4], в жертвеннике № 5 того же кургана – удила, бляшка, подпружные пряжки [Бейсенов 2015: рис. 5]. В ямке, вырытой за пределами каменного кольца № 3 на р. Карагайлы, найдены золотые пластинки, железные бляхи, бляшки, а также распределители ремней, крюк, стержень [Варфоломеев 2017: рис. 3]. Также обращает на себя внимание факт обнаружения наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н.э., при исследовании курганов, расположенных в окрестностях г. Житикара (Житикаринский р-н, Костанайская обл.) – на вершине, на склонах, у подножия насыпи, в межкурганном пространстве [Базарбаева и др. 2023: 106].

Значительный интерес представляют находки комплектов конского снаряжения в сарматских женских погребениях. Представительный ритуальный комплекс, состоящий из пяти комплектов снаряжения, был зафиксирован в богатом женском погребении кургана № 6 мог. Таксай I (Западный Казахстан) [Лукпанова 2014].

На памятнике Алтынказган (п-ов Мангышлак, Западный Казахстан) в состав обнаруженных исследователями «кладов» вошли такие статусные предметы, как серебряные с позолотой детали конского снаряжения, фрагменты позолоченного пояса, седло, украшенное серебряными обкладками [Астафьев, Богданов 2015; 2018]. «Клады», датируемые авторами сер. I тыс. н.э., были размещены в пределах ритуальных оград предшествующего времени (объекты № 15, 168) [Астафьев, Богданов 2018: 73, 75].

О наличии такого рода действий по символическому замещению человека определёнными предметами в ещё более раннее время свидетельствуют материалы мог. Измайловка (Восточный Казахстан). На объекте переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку периода – ограда 17 мог. Измайловка, обнаружены предметы конского снаряжения, расположенные в «сложенном виде» в 0,65 м к юго-западу от ящика, содержавшего погребение [Ермолаева 2012: 56–57, рис. 58; 59, 11, 12, 14, 16, 17]. Отдельные вещи находились в пределах ограды, также была обнаружена серебряная серьга [Ермолаева 2012: рис. 62, 8]. Ещё один приклад выявлен при исследовании кургана раннего железного века, находящегося также в составе данного могильника [Ермолаева 2012: 74, рис. 78, 1–4].

4 Результаты (Хасенова Б.М., Логвин А.В., Шевнина И.В.)

Важно отметить состав и условия обнаружения ритуальных комплексов. Традиция размещения предметов конского снаряжения в виде отдельного комплекса фиксируется в евразийских степях, начиная с переходного от бронзового к раннему железному веку периода. Иногда в него бывают включены предметы вооружения. В эпоху средневековья в состав таких ритуальных комплексов нередко входят предметы воинского снаряжения – панцирные пластины, наконечники стрел, копьё, колчаные крюки, детали поясной гарнитуры.

Интерес представляет также факт обнаружения в составе «тайников», «кладов», «прикладов» эпохи раннего средневековья именно предметов конского снаряжения и вооружения. В подавляющем большинстве их обнаруживают при исследовании оградок, также встречаются в околокурганном пространстве. Предметы из комплекса VII–VIII вв., обнаруженного на мог. Бестамак, видимо, обозначают символически своего владельца. Судя по данным этнографии тюркских народов, символика предметов конского и воинского снаряжения неразрывно связана с образом воина. Так, в тувинской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» о воинском и конском снаряжении говорится:

Его положено надевать
и когда к Эрлику отправляться,
и когда на войну отправляться
и когда к всевышнему отправляться.

[Хайындырынмай Багай-оол 1994: 82].

Интересный обряд «Үзеңгіден өткізу»* (*в переводе с каз. яз.: «үзеңгі» – стремя, «өткізу» – проводить) зафиксирован этнографом А. Тохтабаем. После 40 дней ребёнка переносили через стремя, принадлежащее знаменитым людям. В момент, когда всадник убирал ногу из стремени, ребёнка пронесли под путлицем [Тохтабай 2004: 7]. Тем самым не только собственно оружие, но и снаряжение коня играло важную роль в языке символов тюркоязычных народов.

Следует также обратить внимание на обнаружение в комплексе колчанного крюка. По мнению Г.В. Кубарева, такие изделия могли осуществлять функции пряжки для саадачных поясов [Кубарев 2005: 93]. Эту информацию дополняет находка ещё одного предмета вооружения. Наличие в составе наконечника стрелы также позволяет предположить, что данный ритуальный комплекс предназначался для воина-лучника.

В целом, на основании изучения памятников тюркской археологии Алтая, исследователями выделяются следующие ритуальные памятники рассматриваемой эпохи – это ограды, которые сопровождаются изваяниями, балбалами, столбовыми или жертвенными ямками, ящиками и захоронениями лошадей [Серегин, Шелепова 2015: 47]. Отмечаются также объекты, расположенные рядом с курганами, к их числу относятся изваяния, стелы, балбалы, каменные «кольца», выкладки округлой или квадратной формы, миниатюрные оградки, округлые или подквадратные «пристройки», «ритуальные» курганы (насыпи без погребения) [Серегин, Шелепова 2015: 79–87].

Анализируемый воинский комплекс из Бестамака позволяет расширить наши представления о сакральных практиках населения евразийских степей эпохи раннего средневековья.

5 Заключение (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

Таким образом, на основании выявленных аналогий ритуальный воинский комплекс из мог. Бестамак датируется VII–VIII вв. Важно отметить, что он оказался включённым в сакральное пространство некрополя предшествующего времени. Предметы конского снаряжения и многие предметы вооружения в составе погребального обряда в эпоху средневековья гендерную инфор-

мацию в себе не несли. Но устойчивость состава таких ритуальных комплексов – зачастую они содержат предметы конского и/или воинского снаряжения, условия их размещения – в кенотафах, оградках, в околокурганном пространстве и так далее, позволяют предположить, что они были задействованы в каких-то обрядовых действиях, связанных с воинской культурой. Предметы из комплекса мог. Бестамак являлись символическим обозначением своего владельца – воина-лучника. На данном уровне исследования этих археологических памятников, вопрос о причине появления остается открытым, необходимо выяснить, почему они появляются в обрядовой деятельности тюркских племён помимо кенотафов – символических погребений.

В раннем средневековье представлено значительное количество вариантов ритуальных объектов, в которых содержатся предметы, обозначающие символически мужчин-воинов, в свою очередь, следов аналогичных обрядовых действий, которые можно было бы связать с женщинами, не отмечено.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81-98.
- 2 Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане: сб. статей / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56-76.
- 3 Арсланова Ф.Х. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Под общ. ред. З. Самашева, сост. Б.М. Хасенова. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 28-92.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана (полуостров Мангышлак, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 4. С. 72-84.
- 5 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградках Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 68-78.
- 6 Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара: (Северный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 103-116.
- 7 Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73-84.
- 8 Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 4. С. 96-104.
- 9 Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64-76.
- 10 Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье / Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- 11 Варфоломеев В.В. Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. В 2-х т. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 90-95.
- 12 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с., вкл.
- 13 Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Изучение памятников археологии Алтайского края: м-лы конф. Барнаул: НПЦ «Наследие», 1995. Вып. 5. С. 176-181.
- 14 Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II Международный Мадыарский симпозиум: сб. научн. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110-138.
- 15 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 120 с.

- 16 Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Комплекс, 2006. 168 с.
- 17 Досымбаева А., Нұсқабай А. Құмай түркілік археологиялық-этнографиялық кешені. Астана, 2012. 146 б.
- 18 Зуев Ю.А. Этнокультурные связи ранних кимеков // Известия АН РК. 1992. № 5. С. 26-38.
- 19 Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: ИА КН МОН РК, 2012. 238 с., ил.
- 21 Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья: сб. статей / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. Т. 5. С. 245-374.
- 22 Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научн. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88-109.
- 23 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 24 Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шариязданов О.К. Археологические исследования объекта тюркского периода «Ащекен Сораны» // Алтаистика, тюркология, монголистика. 2019. № 1. С. 49-128.
- 20 Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: м-лы конф. / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. Вып. 2. История и археология. М.: Наука, 1990. С. 119-130.
- 25 Лукпанова Я.А. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор) // Всадники Великой степи. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана / Отв. ред. А. Онгар. Т. IV. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 149-160.
- 26 Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Чекурашев А.Г., Барзынов Я.Р. Воинский схрон тюркского времени на горе Ак-Кая (Онгудайский район, Республика Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 30-40.
- 27 Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Перебраженка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии эпохи железа: сб. ст. / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 123-137.
- 28 Мотов Ю.А. Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-Сазы // История и археология Семиречья: сб. ст. / Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы: ОФ «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 142-149.
- 29 Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. ст. / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 2. С. 85-100.
- 30 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Екатеринбург: УрГУ, 1990. 223 с.
- 31 Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные вопросы сибирской археологии: тез. докл. конф. / Отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 16-20.
- 32 Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / Отв. ред. А.В. Эбель. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 175-190.
- 33 Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Спб: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. С. 183-346.
- 34 Самашев З. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Тарбагатае) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 163-190.
- 35 Самашев З., Григорьев Ф., Джумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Казиздат КТ, 2005. 184 с.
- 36 Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 194-198.
- 37 Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я пол. I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

- 38 Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 410-415.
- 39 Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (54). С. 107-118.
- 40 Токтабай А. Культ коня у казахов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2004. 124 с.
- 41 Трифонов Ю.И. Джаргас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115-129.
- 42 Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М. Акчий III // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 168-176.
- 43 Трифонов Ю.И., Ермолаева А.С. Измайловка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 135-141.
- 44 Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 176-215.
- 45 Tulegenov T., Besetayev B., Khassenova B. New data on the culture of the ancient Turks of Zhetysu // Археология Казахстана. 2021. № 4 (14). Рр. 121-133.
- 46 Хайындырынмай Багай-оол // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 50-225.
- 47 Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургай и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 51-98.
- 48 Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой орды // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 297-309.
- 49 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- 50 Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

REFERENCES

- 1 Ambroz, A. K. 1973. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 81-98 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. Kh. 1972. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Almaty: "Nauka" Publ., 56-76 (in Russian).
- 3 Arslanova, F. Kh. 2013. In: Samashev, Z. (ed.), Khassenova, B. M. (compl.). *Ocherki srednevekovoy arheologii Verhnego Priirtyshiya (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh region)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 28-92 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2015. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4, 72-84 (in Russian).
- 5 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 2, 68-78 (in Russian).
- 6 Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (20), 103-116 (in Russian).
- 7 Bayar, D. 2004. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4, 73-84 (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2015. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)*, 4, 96-104 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z., Khasenova, B. M., Akhiyarov, I. K., Duysenbay, D. B. 2018. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 71, 64-76 (in Russian).
- 10 Botalov, S. G. 2000. In: *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauraliya. V 2 t. T. II. Ranniy zheleznyj vek i srednevekovie (Ancient history of the Southern Trans-Urals. In 2 vol. Vol. 2. Early Iron Age and Middle Ages)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 11 Varfolomeev, V. V. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sokhranenie. V 2 t. T. II (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation. In 2 vol. Vol. 2)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Scientific Center of History and Archaeology "Begazy-Tasmola", 90-95 (in Russian).

- 12 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 13 Grigoriev, F. P., Zagorodniy, A. S. 1995. In: *Izucheniye pamyatnikov arheologii Altayskogo kraya. Vyp. 5 (The study of archaeological monuments of the Altai Territory. Issue 5)*. Barnaul: Research and Production Center “Heritage”, 176-181 (in Russian).
- 14 Grudochko, I. V., Botalov, S. G. 2013. In: Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). *II Mezhdunarodnyi Madyarskiy simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: “Riphey” Publ. (in Russian).
- 15 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., 2013. *Khudozhestvennyye bronzy Zhetysu (Artistic bronzes of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian)
- 16 Dosymbayeva, A. M. 2006. *Zapadnyi Tyurkskiy kaganat. Kulturnoe nasledie kazahskikh stepey (Western Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes)*. Almaty (in Russian).
- 17 Dosymbayeva, A. M., Nuskabay, A. 2012. *Kumay turktik arheologiyalyk-etnografiyalyk kesheni (Turkic archaeological and ethnographic complex Kumay)*. Astana (in Kazakh, Russian, English).
- 18 Zuev, Yu. A. 1992. In: *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Kazahstan (News of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 5, 26-38 (in Russian).
- 19 Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaya (epoha bronzy – rannee zhelezo) (Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altai (Bronze Age – Early Iron Age)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 20 Komar, A. V. 2006. In: Evglevskiy A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epohu srednevekovyaya. T. 5 (Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 5)*. Donetsk: Donetsk National University, 245-374 (in Russian).
- 21 Komar, A. V. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskij I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (Hun forum. Problems of the Origin and Identification of the Culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 88-109 (in Russian).
- 22 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).
- 23 Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Shariyazdanov, O. K. 2019. In: *Altaistika, tyurkologiya, mongolistika (Altaistics, Turkology, Mongolian studies)*, 1, 49-128 (in Russian).
- 24 Kumeikov, B. E. 1990. In: Litvinsky, B. A., Zhdanko, T. A. (eds.). In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii narodov Sredney Azii i Kazahstana. Vyp. 2. Istoriya i arheologiya (Problems of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Iss. 2. History and archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 119-130 (in Russian).
- 25 Lukpanova, Ya. A. 2014. In: Onggaruly, A. (ed.). In: *Vsadniki Velikoy stepi. Trudy Filiala Instituta arheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana. T. IV (Horsemen of the Great Steppe. Proceedings of the Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana. Vol. IV)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 149-160 (in Russian).
- 26 Mamadakov, Yu. T., Kungurov, A. L., Chekurashev, A. G., Barzynov, Ya. R. 2017. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (18), 30-40 (in Russian).
- 27 Molodin, V. I., Savinov, D. G., Elagin, V. S. 1981. In: Troitskaya, T. N. (ed.). In: *Problemy zapadnosibirskoy arheologii epohi zheleza (Problems of West Siberian archaeology of the Iron Age)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 123-137 (in Russian).
- 28 Motov, Yu. A. 2001. In: Maryashev, A. N., Motov, Yu. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirechiya. Vyp. 3 (History and archaeology of Semirechye. Iss. 3)*. Almaty: Public Fund «Rodnichok», 142-149 (in Russian).
- 29 Nikolaev, V. S., Dzyubas, S. A., Belonenko, V. V. 2002. In: Harinskiy, A. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Bajkalskoj Sibiri: izucheniye, ohrana i ispolzovanie. Vyp. 2 (Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Iss. 2)*. Irkutsk: Institute of Geography SB RAS, 85-100 (in Russian).
- 30 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Uralsk State University (in Russian).
- 31 Savinov, D. G. 1996. In: Shamshin, A. B. (ed.). In: *Aktualnye voprosy sibirskoy arheologii*. Barnaul: Altai University, 16-20 (in Russian).
- 32 Savinov, D. G. 1998. In: Ebel, A. V. (ed.). *Drevnosti Altaya. Vyp. 3 (Antiquities of Altai. Iss. 3)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 175-190 (in Russian).

- 33 Savinov, D. G. 2005. In: Klyashtorny, S. G., Savinov, D. G. *Stepnye imperii drevney Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University (in Russian).
- 34 Samashev, Z. 2022. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 4, 163–190 (in Russian).
- 35 Samashev, Z., Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Altai (Antiquities of Altai)*. Almaty: Kazizdat KT (in Russian).
- 36 Seregin, N. N., 2013. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Izestiya of Altai State University)*, 4-1 (80), 194-198 (in Russian).
- 37 Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tyurkskie ritualnye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizaciya, analiz, interpretaciya (Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation)*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).
- 38 Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K., Gorbunov, V. V. 2004. In: *Problemy arheologii, etnologii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. T. X (Problems of archaeology, ethnology, anthropology of Siberia and adjacent territories. Vol. X)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS, 410-415 (in Russian).
- 39 Tkachev, A. A., Tkachev, Al. Al. 2022. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 3, 107-118 (in Russian).
- 40 Toktabay, A. 2004. *Kult konya u kazahov (The cult of the horse among the Kazakhs)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 41 Trifonov, Yu. I. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 115-129 (in Russian).
- 42 Trifonov, Yu. I., Akhinjanov, S. M. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 168-176 (in Russian).
- 43 Trifonov, Yu. I., Ermolaeva, A. S. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 135-141 (in Russian).
- 44 Trifonov, Yu. I., Samashev, Z. S. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 176-215 (in Russian).
- 45 Tulegenov, T., Besetayev, B., Khassenova, B. 2021. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (14), 121-133 (in English).
- 46 Hajyndyrynmaj Bagaj-ool, 1994. In: *Tuvinskie narodnye skazki (Tuva folk tales)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 50-225 (in Tuvan, Russian).
- 47 Khassenova, B. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51-98 (in Russian).
- 48 Khassenova, B. M., Khabdulina, M. K. 2017. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (22), 297-309 (in Russian).
- 49 Khudyakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii (Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 50 Khudyakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh. 2009. *Drevnie tyurki na Altae (Ancient Turks in Altai)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.09.2023.

